Елена Шуньгина

Возвращение Церкви культовых зданий в Ленинградской епархии в послевоенное десятилетие: анализ прошений верующих

Согласно постановлению Совета по делам РПЦ «О порядке открытия церквей», утвержденному Совнаркомом СССР 28 ноября 1943 г.[1], исходной точкой процесса открытия храма для богослужений были ходатайства верующих, обратившихся в разные органы государственной и церковной власти по вопросу передачи культового здания в ведение РПЦ. Все письменные прошения верующих по конкретному храму составляли единое «дело», и когда ходатайств по одной церкви оказывалось несколько, аргументы, приводимые верующими в них, признавались властью актуальными, комплект документов передавался уполномоченному, представлявшему материалы в Совет по делам РПЦ, который до 1955 г.[2] принимал решение о передаче храма в ведение епархии. Если прошений от верующих о необходимости предоставления им храма для богослужений не поступало, то, согласно законодательству о культах, даже при наличии ходатайства епархиального начальства, работа органов власти по открытию храма не начиналась[3].

1. Постановление Совнаркома СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» //ГАРФ. Ф.Р.-5446. Оп. 1. Д. 221. Л. 4.
2. Постановление Совета Министров СССР от 17 февраля 1955 г. № 259. «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий»//Там же. Д. 638. Л. 67.
3. Инструкция Совета по делам Русской православной церкви уполномоченным. Утверждена Советом 26 августа 1945 г.// РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 110. Л. 56. Раздел 1. п. 1.

В инструкции, составленной для уполномоченных Совета по делам РПЦ в 1945 г., было определено, что уполномоченный, после получения ходатайств верующих, должен был провести проверку их достоверности: главными были сведения об инициаторах прошений. Представителей власти интересовало число представителей инициативной группы, интересы какого числа верующих они представляют, их профессиональный и возрастной состав, а также информация об аргументах, которые приводят верующие, прося открыть конкретный храм[4]. Сведения, полученные из прошений, были важны для представителей Совета по делам РПЦ, так как по количеству прошений и подписей верующих под ними, можно было отслеживать периоды активности верующих и «очаги активности» — места, откуда больше всего в стране или регионе приходило прошений, и принимать необходимые меры для предотвращения нарастания недовольства среди верующей части населения. Получив информацию о возрастном и профессиональном составе инициаторов открытия храмов и потенциальных прихожан, представители власти делали вывод о том, насколько действительно необходим просимый к открытию храм, и способны ли верующие отремонтировать здание церкви своими силами.

Особенный интерес при изучении прошений верующих об открытии храмов Ленинграда, представляли аргументы, приводимые ими для достижения положительного результата. Важно было также установить, как повлияли их письма на открытие конкретных церквей и почему некоторые из них были проигнорированы властью. Письма верующих в различные органы власти не только являются ценным источником для изучения государственно-церковных взаимоотношений, но также дают представление о самих верующих, как представителях послевоенного общества, их ценностных ориентирах и о степени их доверия к власти на протяжении 1940–1950-х гг.

Следует отметить, что «письма во власть» как особого рода источник в последнее время вызывают пристальный интерес исследователей,[5] но практически не становились объектом специ-

4. Там же.

5. Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002; Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. В 5 тт. Т. 1. М., 1999; Т. 2. М., 2000; Кризис снабжения 1939–1941 гг. в письмах советских людей//Вопросы истории. 1996. № 1. С. 3-23.

ального изучения. Несмотря на то, что исследователи истории церкви советского периода — М. В. Шкаровский, М. И. Одинцов и другие, неоднократно включали некоторые ходатайства верующих в органы государственной власти в составленные ими тематические сборники документов, однако опубликованные ими письма в основном относились к другому временному периоду, находящемуся вне хронологических рамок данной работы.

Источником для проведения исследования стал комплекс писем верующих Ленинграда за 1943–1950-е гг., в которых содержались прошения об открытии различных городских храмов Ленинграда. Эти письма хранятся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и архиве Санкт-Петербургской епархии (ЕАСПб). Важно, что письма, хранящиеся в двух указанных архивах, имели разных адресатов — государственные органы или их представителей, контролировавших деятельность РПЦ в Ленинграде, и епархиальное начальство. Соответственно, одной из задач было выявление различий в прошениях, посланных разным адресатам.

Каждый адресант ждал реакции властей на свое прошение, или хотя бы их ответа, но так как ответные письма представителей власти в архивах почти не сохранились, в процессе изучения документов было важно выяснить, насколько в целом прошения о передаче храмов верующим были результативны.

Важным, безусловно, являлся вопрос об авторстве писем, решение которого помогло определить круг лиц, инициирующих их написание и отправление, так как при выделении «голосов из хора», можно показать реакции конкретных представителей советского общества на наиболее значимые события религиозной жизни города и страны в целом. Поэтому была предпринята попытка создать перечень мотивов и аргументов, с помощью которых верующие пытались воздействовать на представителей власти, добиваясь положительного результата.

Материалом для исследования послужили также письма, направленные в высшие органы государственного управления РПЦ — председателю Совета по делам Русской православной церкви, уполномоченному по Ленинграду и Ленинградской области и в епархиальное управление — в канцелярию митрополита. В процессе изучения прошений было установлено, что письма в государственные органы власти и структуры управления РПЦ относятся в основном к 1944–1945 гг. Связано это было с тем, что именно в эти годы, предчувствуя близость победы в Великой Оте-

чественной войне и ожидая изменения государственной политики по отношению к церкви, верующие стали проявлять инициативу и настойчивость, требуя от представителей власти вернуть закрытые храмы епархии.

Для того, чтобы яснее представить как открывались храмы в Ленинграде и в Ленинградской области в указанный период, обратимся к статистике. М. В. Шкаровский в целом по стране приводит следующие данные за 1944–1945 гг.: в 1944 г. в органы государственной власти поступило 6702, а за 1945 г. еще 5986 заявлений об открытии 4292 церквей. Из них было удовлетворено 716, то есть всего около 17 %. На 1 июня 1945 г. по подсчетам Совета по делам РПЦ, общее количество действующих храмов патриархии составляло 10243, в том числе на Украине 6072, в РСФСР — 2297, и распределялись они по территории крайне неравномерно (в центральных областях — 400-500, в автономных республиках и областях Сибири, Дальнего Востока и Поволжья их число не превышало 2-4)[6]. Задавая вопрос о причинах небольшого количества возвращенных верующим храмов, автор работы «Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве» приходит к выводу о том, что в «верхах» государственной власти не стремились принимать решения об открытии храмов. Власти боялись, что, дав «слабину», они не смогут остановить процесс «воцерковления» советских трудящихся. Именно по этой причине, в одной из бесед в ноябре 1943 г. с председателем Совета по делам Русской Православной церкви г. Карповым В. Молотов указывал: «Пока не давать никаких разрешений на открытие церквей… В последующем по вопросу открытия выходить за санкцией в правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы… Открыть церкви в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать решение этого вопроса»[7]. В связи с такой политикой государства только 5 февраля 1944 г. Совет по делам РПЦ принял постановление об официальном открытии первых 18 храмов[8]. Вероятно, именно поэтому митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий на прошениях верующих Ленинграда до нача-

6. *Шкаровский М. В.* Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 215.
7. *Шкаровский М. В.* Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 207.
8. Там же.

ла 1944 г. ставил резолюцию: «сейчас несвоевременно возбуждать ходатайство об открытии храма»[9].

Представители церковной и светской власти, по крайней мере, в отношении храмов Ленинградской епархии, действовали сообща: в Ленинградской епархии была особая «местная» система принятия решений относительно возвращения культовых зданий верующим, действовал «закулисный» механизм передачи прошений от митрополита к уполномоченному Совета по делам РПЦ по Ленинграду и Ленинградской области. Этот «механизм» заключался в том, что прежде, чем возбуждать ходатайство об открытии церкви, митрополит, получив прошение верующих, сначала решал все вопросы с уполномоченным, и лишь в случае установления консенсуса последний передавал дело в Совет по делам Русской православной церкви. Сам уполномоченный, анализируя отлаженный механизм работы с прошениями верующих, говорил следующее: «... когда мы решаем открыть церковь, он [митрополит] пишет письменное ходатайство, в тех же случаях, когда мы не думаем открывать церковь, он такого ходатайства не пишет. Поэтому у меня не было ни одного случая отказа, и решений по ним мы не выносим, т. к. сам митрополит эти вопросы решает. Те решения, которые он поддерживает, были все удовлетворены»[10]. Из отчета уполномоченного, мы узнаем, что в Ленинградской епархии роль митрополита в деле передачи храмов была значительной и без его резолюции прошения, присланные в канцелярию, в Совет не передавались. Этот факт объясняет причину того, почему в канцелярии митрополита имеется множество ходатайств о возвращении церквей, а архив уполномоченного А. Кушнарева и Совета по делам РПЦ содержит лишь их малую часть.

Мнение о важной роли митрополита в деле открытия храмов поддерживалось представителями органов государственной власти: это можно объяснить, вероятно, их желанием, в случае невозможности получить разрешение правительства на открытие храма, возложить ответственность за неудачу на митрополита и представителей епархии.

Прежде, чем изложить результаты изучения прошений верующих о возвращении церквей Ленинградской епархии, обра-

9. Прошение А. М. Нехорошевой митрополиту Алексию об открытии часовни Ксении Блаженной// ЕАСПб. Ф. 3. Оп. 11. Д. 50. Л. 2.

10. Стенограмма совещания уполномоченных Совета по делам РПЦ 20-22 июля 1946 г.// ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 1. Л. 104.

тимся к вопросу о количестве действующих храмов города, чтобы понять, какие храмы и в каких районах Ленинграда просили открыть верующие.

До 1 июля 1945 г. А.И. Кушнареву, уполномоченному по делам РПЦ по Ленинграду и области, было подано 53 заявления с просьбой об открытии храмов, из них по Ленинграду всего 10. По ним положительных решений было принято всего 6: 5 храмов открыто в Ленобласти и 1 — в Ленинграде (церковь Святой Троицы, «Кулич и Пасха»). Всего же к этому времени на территории города и области находилось 50 храмов, из них 42 в области и 8 в Ленинграде[11].

Следует заметить, что в других областях Северо-Запада России, судя по отчетам местных уполномоченных, взаимоотношения между ними и епархиальной властью были иными, и часто не архиереи, а именно уполномоченные принимали решение об открытии храма, а церковным властям оставалось только принять это решение. Отвечая на вопрос о том, что для епархии было лучшим — конфронтация светской и церковной власти или совместное принятие ими решений, как в Ленинградской епархии, следует обратить внимание на статистику: процент возвращения храмов в областях был практически одинаковым, но при этом сложностей в отношениях между уполномоченным, священнослужителями и верующими в Ленинграде было меньше, чем в других епархиях.

Говоря о храмах Ленинграда, необходимо заметить, что во время войны действовали 8 самых значимых для верующих храмов города, среди которых следует назвать Спасо-Преображенский, Князь-Владимирский, Николо-Богоявленский, в которых и в послевоенные годы продолжали проводиться богослужения. Кроме того, во многих районах Ленинграда был свой храм, и сам уполномоченный по делам РПЦ А.И. Кушнарев признавался, что он поддерживает только заявления на открытие церквей из тех районов, где нет ни одной церкви, а таких районов в 1945 г. в Ленинграде было 4 (в области 17)[12]. Кроме того, в 1946-1947 гг. было разрешено проводить богослужения в тех храмах, которые верующие чаще всего просили открыть — в часовне Ксении Блаженной, являющейся символом «ленинградского православия» и в церквях в отдаленных частях города — в храме Святой Троицы

11. Стенограмма совещания уполномоченных Совета по делам РПЦ 20-22 июля 1946 г.// ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 1. Л. 104.

12. Там же.

на проспекте Обуховской Обороны и Смоленской церкви на кладбище, которая была до возвращения верующим часовни Святой Ксении единственным храмом на Васильевском острове. Другие храмы, которые верующие просили предоставить для богослужений, не передавали по нескольким причинам.

Одним из самых распространенных аргументов отказа властей вернуть храм епархии было постановление о том, что здание бывшей церкви не пригодно для проведения служб: либо оно было сильно разрушенным или перестроенным и не подлежало реставрации,[13] либо требовались огромные средства на его восстановление, которых не было ни у епархии, ни у верующих[14]. Основной причиной, по которой митрополиты отказывали верующим в передаче документов об открытии храма уполномоченному Совета по делам РПЦ, было то, что в нескольких километрах от церкви, которую просили открыть для богослужений, находился действующий храм. Митрополит и благочинные беспокоились, что если верующие образуют два прихода, то обе церкви вскоре придется закрыть, потому что прихожане не смогут поддерживать здания в должном виде из-за недостатка средств[15]. Городские власти обосновывали свои отказы тем, что многие бывшие культовые сооружения в 1940–1950-х гг. находились в ведении различных, в том числе «культурных», организаций, содержались в «надлежащем виде», и власти «не находили причин, чтобы отказывать им в эксплуатации данных сооружений»[16].

13. Так, например, в 1946 г. Тихвинская церковь на территории комплекса Крестовоздвиженской церкви на Лиговском проспекте была признана Благочинным непригодной для богослужений, так как 2/5 здания были разрушены при артобстреле//Дело об открытии Тихвинской церкви на территории б. Иоанно–Предтеченской (Крестовоздвиженской) церкви. 1946 г.// ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 11. Д. 46. Л. 2.

14. Колокольня Крестовоздвиженской церкви и находящаяся рядом с ней часовня не могли быть восстановлены (их ремонт был оценен комиссией в сумму около 3 миллионов рублей), и вследствие этого верующим было отказано в их просьбе о ремонте зданий//Рапорт Благочинного митрополиту Григорию//Там же. Л. 5.

15. Митрополит Елевферий вынужден был по этой причине отказать группе верующих, ходатайствующих об открытии храма в честь Святой Троицы в Озерках, из-за того, что рядом была действующая Спасо-Парголовская церковь, переживающая материальные трудности в связи со слабой посещаемостью//Рапорт Благочинного городского округа протоиерея Н. Ломакина митрополиту. 1956 г.//Там же. Д. 61. Л. 2.

16. Такие причины указывались, в частности, при отказе передать верующим храм Воскресения Христова на канале Грибоедова, в котором хранились декорации Малого Оперного театра, и Сампсониевского собора, который в первые послевоенные годы принадлежал Академии наук, а потом был переоборудован под склад оптово-закупочной базы Главунивермага. Дело об открытии храма Воскресения

Были, конечно, и идеологические причины. Так, власти отказывались открыть церковь, которая была в прошлом «очагом контрреволюции» — например, Храм Воскресения Христова на канале Грибоедова (Спас на крови)[17], который и в 1940–1950-х гг., по их мнению, мог вновь собрать «антисоциалистические силы». Кроме того, этот храм являлся памятником императору, к чему тем более не следовало привлекать внимание общественности. Не стремились открывать храмы и в центре города, чтобы не демонстрировать огромное количество верующих, которые бы стали стекаться в открытый храм, что могло заставить «трудящихся» усомниться в правдивости лозунгов официальной пропаганды, о том, что религия в советской стране — это «отмирающее явление».

Для анализа религиозной ситуации в Ленинграде во второй половине 1940-х — 1950-е гг. были сопоставлены данные о действующих и упоминаемых в прошениях храмах по районам (далее будут использованы современные названия районов города).

На Выборгской стороне верующие просили открыть 2 храма — Сампсониевский собор и Троицкую церковь[18], находившуюся на пересечении современного Гражданского проспекта с проспектом Непокоренных, а также просили построить церковь на Богословском кладбище. Старая кладбищенская церковь, освященная в честь Иоанна Богослова, была закрыта и снесена в 1938 г.[19] а имеющаяся на территории кладбища часовня стала единственным культовым сооружением на Выборгской стороне, где до конца изучаемого периода не было ни одного действующего храма (эти сведения подтверждают и воспоминания блокадницы Е.А. Скобелевой, которая с детства жила в указанном районе[20]), и этот факт объясняет, почему именно верующие Выборгской стороны проявляли наибольшую активность.

На Васильевском острове, где также не было ни одной действующей церкви, просили открыть Андреевский собор, церковь и часовню Ксении Блаженной на Смоленском кладбище. Послед-

на крови. 1958 г.// ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 11. Д. 49. Лл. 1-4.; Дело об открытии Сампсониевского собора. 1948-1959 гг. //Там же. Оп. 11а. Д. 13. Лл. 2-10; Архив Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры Петербурга. Сампсониевский собор. 28/Пр-4. 1958 г.

17. *Юдин Н.И.* Правда о петербургских святынях. Л., 1966. С. 125.

18. Троицкая церковь была снесена в 1967 г. в связи с расширением Гражданского проспекта//*Антонов В.В., Кобак А.В.* Святыни Петербурга. Т.3. СПб., 1996. С. 124.

19. Там же. С. 166.

20. *Скобелева Е.А.* Родина моего детства. 1940–1945. СПб., 2004. С. 14.

ние были возвращены епархии в 1946–1948 гг., когда стали звучать жалобы на то, что в Князь-Владимирском соборе — единственной церкви Петроградской стороны, которая принимала также василеостровцев, молящимся не хватает места.

По одной действующей церкви было на правом берегу Невы (храм Святого Николая на Большеохтинском кладбище, и верующие просили открыть еще одну кладбищенскую церковь — храм Марии Магдалины на Малоохтинском погосте) и на Малой Неве — церковь на Серафимовском кладбище, в нынешнем районе Новой деревни, откуда не поступали прошения об открытии храмов, в том числе и из-за малонаселенности района.

В Центральном районе города, несмотря на то, что здесь находилось основное количество действующих храмов (4 из 8: Никольский, Спасо-Преображенский, Владимирский соборы и церковь Святого Иова на Волковском кладбище), верующие просили также открыть храм Воскресения Христова (Спас на крови)[21], Казанский собор[22] и церкви Александро-Невской лавры[23]. Важно отметить, что прошения эти были единичными, индивидуальными, а не коллективными. Кроме того, указанные храмы просили открыть не для увеличения территории, где можно было бы проводить богослужения, а как памятники архитектуры и истории, «православные святыни», символы Ленинграда, и Казанский собор — как «здание, построенное и стоящее в центре города нашего, [которое] должно охранять честь, мир и свободу города нашего и страны»[24]. Этот факт, безусловно, вызывает интерес: другие храмы Ленинграда просили открыть, прежде всего, для проведения богослужений, несмотря на то, что они также являются памятниками архитектуры XVIII и XIX вв. (сведения об этом есть в прошениях об открытии Сампсониевского и Андреевского соборов в виде упоминаний, что это здания, «помнящие Петра I»). В прошениях о храмах в центре Ленинграда основными аргументами являются «исторические», хотя главной проблемой это-

21. *Юдин Н. И.* Правда о петербургских святынях. С.2.

22. Письмо Л. Н. Кругловой Патриарху об открытии Казанского собора. 1949 г.// ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 11а. Д. 18. Л. 1-3. Здесь и далее орфография и пунктуация подлинников сохранены.

23. Докладная записка А. М. Фроловой патриаршему местоблюстителю Алексию об открытии храмов Александро-Невской лавры. 1944 г.// ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 5-6.

24. Письмо Л. Н. Кругловой Патриарху об открытии Казанского собора. 1949 г.// ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 11а. Д. 18. Л. 2.

го района было большое количество прихожан в действующих церквях, но об этом в указанных письмах не сказано ни слова. Проблема, связанная с тем, что храмы в центре города не могли вместить желающих, существовала, и об этом есть упоминания в прошениях из других районов города. Так, в ходатайстве о возвращении Сампсониевского собора говорилось о том, что поскольку ближайший для жителей Выборгской стороны Преображенский собор, который находится на противоположном берегу Невы, на отдаленном расстоянии и постоянно переполнен в воскресенья и праздники, многие верующие из-за своего почтенного возраста, который затрудняет долгий путь, лишены возможности посещать богослужения[25]. Верующие — жители Василеостровского района также сетовали, что «Никольский собор и Владимирский всегда бывают переполнены молящимися, посещение их связано с ездой на трамваях, и поэтому зачастую приходиться отказываться от посещения церкви»[26].

Кроме того, если храмы в других районах Ленинграда просили открыть «местные» жители, обитатели домов вблизи закрытой церкви, и их просьбы, чаще всего коллективные, были обоснованы и конкретны, то церкви центрального района просили открыть верующие, живущие в отдалении от них[27] или рядом с местожительством которых был действующий храм[28].

Интерес вызывает и тот факт, что письма о возвращении именно храмов в центре города почти не содержат конкретной информации о состоянии храма, о том, какой организацией он в настоящее время занят и для каких целей используется. При этом,

25. Заявление верующих Сталинского (Выборгского) района митрополиту Григорию об открытии Сампсониевского собора. 1946 г.// ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 11а. Д. 13. Л. 2, 8.

26. Письмо жителей Васильевского острова митрополиту Григорию об открытии Андреевского собора. 1947 г.//Там же. Оп. 11. Д. 52. Л. 4.

27. Например, о том, чтобы храм Спас на крови вернули верующим, просил П. М. Макаров, живущий на Старо-Парголовском проспекте (современное название — проспект Мориса Тореза). Письмо П.М. Макарова Патриарху Московскому и всея Руси об открытии храма Воскресения Христова. 1959 г.// ЕАСПб. Ф.1. Оп. 11. Д. 49. Л. 4.

28. О возвращении верующим Казанского собора просила Л.Н. Круглова, живущая в Апраксином переулке, а о храмах Александро-Невской лавры писали Местоблюстителю Алексию двое верующих — соседи дома по 2-й Советской, вблизи жительства которых находился действующий Владимирский собор, а недалеко Преображенский//Письмо Л. Кругловой патриарху об открытии Казанского собора. 1949 г.//Там же. Д. 18. Л. 1.; Докладная записка Патриаршему Местоблюстителю, митрополиту Ленинградскому и Новгородскому об открытии церквей Александро-Невской лавры. 1944 г.// ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Лл. 5-6.

в отличие от других прошений, эти письма отличаются большей экзальтированностью и вычурностью речевых оборотов. В этом плане особенно показательны прошения об открытии Казанского собора и церквей лавры. Так, ходатайство Л. Н. Кругловой начинается словами молитвы: «Во Имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Милостью Бога нашего, люди православные, прибегаю к Вам за помощью я маленькое Творение Божие, имеющая великую веру и Любов ко Господу»[29]. Здесь важно отметить, что Людмила Круглова отсылает Митрополиту три почти одинаковых послания — самому митрополиту, с просьбой обнародования верующим Ленинграда ее призыва (текст приложен к ее письму) написать письмо лично И. В. Сталину (текст также приложен) с просьбой открыть Казанский собор. Квинтэссенцией идеи верующей является письмо И. В. Сталину, текст которого, как образец «неординарного послания» в череде других, более реалистичных, уместно будет привести: «Уважаемый, Тов. Сталин, мы православные христиане г. Ленинграда, зная Вашу искреннюю доброту к человечеству, а равно и к каждому человеку отдельно; воспринимая Ваше учение о свободе Совести и свободе Вероисповедания, а также зная о той истинной свободе какую Вы дали нашей стране, действительной и единственной в мире, пишем и посылаем Вам прошение о разрешении открыть для нас верующих для моления Казанский собор ибо его строил народ такой же православный и верующий, как мы, Царице Небесный, молитве которой, за страну нашу, за все человечество мы христиане придаем сейчас особое значение. Просим не отказать нашей просьбе»[30]. Необходимо указать, что послание это создано не в военное время, а в 1949 г., и что это письмо среди обнаруженных нами документов — единственное адресованное И. В. Сталину, хотя, скорее всего, в архивах И. В. Сталина подобные письма имелись. Ходатайства Кругловой были подшиты канцелярией митрополита в дело «Об открытии Казанского собора». Как и прошение об открытии храма Воскресения Христова, это второе (из немногих подобных) письмо, где упоминается о том, чтобы митрополит обратился с ходатайствованием в правительство. Прокопий Макарович Макаров, с «появлением чувства нервности к Божьему храму», писал Патриарху Алексию в 1958 г. следующее: «Проси-

29. Письмо Л. Кругловой патриарху об открытии Казанского собора. 1949 г.// ЕАСПб. Ф.1. Оп. 11а. Д. 18. Л. 3.

30. Там же.

ти у Председателя Министров тов. Хрущева и чериз все его правительство на право открытия Святого храма сего о чем и прошу решение правительства сообщить мне по следущему адресу...»[31].

Письмо об открытии храмов Александро-Невской лавры — не просьба, а проект, автором которого был некий В. В. Малыгин[32]. Одновременно с его проектом в июне 1944 г.Патриарху было послано письмо соседкой Малыгина — А. М. Фроловой, которое было названо «Докладной запиской»[33]. Проект и письмо А. М. Фроловой достаточно подробны, поэтому ограничимся только упоминанием основных идей, изложенных в них. Согласно проекту предполагалось «изъять полностью Лавру из общественного частного пользования» (это значит, выселить всех арендующих помещения), и поскольку «последователей и ревнителей верующих в истинного Бога найдется людей много, за 3 года с уверенностью Лавру можно восстановить по плану». Несмотря на то, что «четкий» план прилагался, некоторые его пункты нельзя назвать реалистичными (например, дать лавре «№-ное количество колодок пчел, чтобы иметь свой воск, и также нужно на 10 лет освобождение от налогов») и выполнение его за три года представлялось сомнительным, тем более что «проект» датирован июнем 1944 г. Надо отдать должное автору: некоторые его идеи были интересны и актуальны — открыть в помещениях лавры дом инвалидов войны и труда, организовать различные мастерские (что было сделано в настоящее время), но в целом проект не был реалистичным, и, кроме того, за «наукообразием» («Организовать Совет из компетентных лиц на восстановление хозяйственным путем всех ремонтов по лавре») и постоянным рефреном «освобождение от налогов» после каждого пункта, суть идей автора иногда ускользает. Значение же данного письма состоит в том, что оно, переданное уполномоченному в составе дела об Александро-Невской лавре, наряду с другими прошениями явилось той «критической массой» ходатайств, которая впоследствии стала одной из причин открытия в Лавре Свято-Троицкого собора.

Подводя некий итог рассмотрению «территориального» аспекта прошений, следует подчеркнуть, что больше всего прошений

31. Письмо П. М. Макарова Патриарху Московскому и всея Руси об открытии храма Воскресения Христова. 1959 г.//ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 11. Д. 49. Л. 4.

32. Проект реконструкции Александро-Невской лавры. 1944 г.//ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 6.

33. Докладная записка Патриаршему Местоблюстителю, митрополиту Ленинградскому и Новгородскому//Там же. Л. 7.

об открытии храмов было направлено в различные органы власти жителями Выборгского (Сталинского) и Василеостровского районов. Эти прошения, в основном коллективные, были составлены от имени жителей микрорайонов, где располагался закрытый храм[34], в случае отказа властям через некоторое время посылалось повторное прошение[35], но самое главное — эти письма были реалистичны, искренни и просьбы в них изложены без особой патетики. Прошения верующих о храмах центрального района города обладали определенным «набором» сходных черт и были индивидуальными, в связи с чем на одном из них появилась резолюция митрополита Ленинградского Елевферия: «по просьбе одного желающего храмы не открывают»[36].

Верующие Выборгской стороны были активнее других в деле открытия храмов: они не ограничивались письмами, а участвовали в создании специальных комиссий, собирали сведения о том, что располагается в храме и как он содержится, организовали приезд к Сампсониевскому собору уполномоченного, чтобы он на месте вынес свой вердикт о пригодности храма для богослужений[37], но, несмотря на их активность и на то, что в Выборгском районе не было ни одной церкви, Сампсониевский собор не был передан церкви до начала 1990-х гг.

На протяжении 1940-х гг. количество поданных прошений об открытии храмов менялось. В 1943–1944 гг. были зафиксированы единичные случаи обращения во власть, 1945–1947 гг. — период, когда прошений было намного больше, что связано с окончанием войны и духовным подъемом, принятием нового «Положения об управлении РПЦ», а также с открытием ряда храмов в Ленинграде и области. В 1953–1955 гг. писем верующих практически не поступало, и вероятно, одной из главных причин было то, что в этот период храмы в Ленинграде не открывали и верующие понимали, что их просьбы останутся без ответа. В 1956–1959 гг. был новый подъем движения за возвращение

34. В письмах часто были указаны данные ходатайствующих.

35. Особенно это характерно для прошений о Сампсониевском соборе, которых было три повторных — 16 апреля 1948 г., 8 сентября 1953 г., 24 июля 1957 г.//Дело об открытии Сампсониевского собора. 1948–1959 гг. //ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 11а. Д. 13. Л. 1.

36. Письмо П.М. Макарова Патриарху Московскому и всея Руси об открытии храма Воскресения Христова. 1959 г. //Там же. Оп. 11. Д. 49. Л. 4.

37. Письмо группы верующих митрополиту Елевферию об открытии Сампсониевского собора. 1959 г. //Там же. Оп. 11а. Д. 13. Л. 10.

храмов церкви, вероятно связанный не только с событиями XX съезда КПСС и началом «оттепели», но, прежде всего с тем, что началась подготовка к открытию Троицкого собора Александро-Невской лавры и само возвращение верующим «символа» петербургского православия было воспринято ими как начало оттепели в религиозной политике, которая в период правления Хрущева была омрачена новыми антирелигиозными наступлениями. После 1959 г., после начала нового витка гонений на религию, прошений от верующих фактически не поступало, за исключением нескольких попыток добиться возвращения им вновь закрытой часовни Ксении Блаженной, которые, однако, успехом не увенчались.

Прошения в различные органы государственной и церковной власти — это особый вид документов, для которых характерна определенная общая структура. В ней можно выделить несколько составляющих: обращение к адресату, изложение просьбы, доводы, которые должны помочь ее удовлетворению, сведения об адресантах, предложения или обещания.

Среди органов государственной власти, которым адресовались прошения, следует назвать Совнарком СССР (позднее — Совет Министров), Совет по делам РПЦ, областные, городские и районные комитеты партии, местные органы исполнительной власти и отдельных официальных лиц — председателя Совета по делам РПЦ г. Карпова, секретаря Ленинградского обкома А. Кузнецова и уполномоченных по делам РПЦ по Ленинграду и области.

Несмотря на то, что верующие «молились за Сталина», сведений о том, что они ему писали, у нас нет[38], хотя вероятно, прошения об открытии церквей архив И. В. Сталина содержит. Неизвестно также, имеются ли подобные письма в личном архиве Н. С. Хрущева, ведь, несмотря на то, что он проявил себя как активный атеист, верующие, возможно не очень разбираясь в политической ситуации, могли обращаться за содействием и к нему. Эту гипотезу подтверждает письмо, адресованное патриарху, в котором было сказано следующее: «Мы молимся за народ, за правительство наше и за тов. Хрущева Никиту Сергеевича. Мы Его особенно одобряем, что он борется за мир во всем мире, а главное не лишает

38. За исключением приведенного выше письма Л. Кругловой об открытии Казанского собора. 1949 г.// ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 11а. Д. 18. Л. 5.

нас святой церкви (!) за это Ему пожелаем хорошего здоровья»[39]. Данный документ представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, если обратить внимание на написание местоимений, относящихся к Хрущеву и стиль написания, можно вспомнить историю создания челобитных и идею русского народа о «добром Царе-Батюшке». Во-вторых, жительницы Ленинграда — авторы письма, написав о том, что Хрущев «не лишает их церкви», «забыли» о взорванных церквях Дмитрия Солунского и Спаса на Сенной.

Из представителей высших эшелонов власти адресатом двух писем, сохранившихся в архивах за указанный временной период, был М. И. Калинин. Примечателен тот факт, что он часто выступал в качестве адресата разного рода посланий, жалоб, предложений, что было замечено и составителями сборника «Письма во власть»: по характеристике одного из корреспондентов 1937 г., Михаил Иванович был человеком, «правильно разбирающим письма, заявления трудящихся, их обиды, иногда примененные к ним бюрократами»[40]. Но в нашем случае ходатайств, адресованных только М. И. Калинину, не было — были прошения, «дублирующие» подобные, разосланные в канцелярии других организаций. Важно, что адресанты одного из посланий — группа верующих со станции Ефимовская, ходатайствовали, чтобы Калинин «помог открыть часовню», которая была «заперта председателем колхоза»[41]. Впоследствии в своем письме в облисполком верующие указывали, что на их прошение от Калинина пришел «ответ с разрешением на открытие», и хотя самого письма им не показали, верующие узнали о нем «со слов работников Райисполкома депутатов трудящихся» (подчеркнем вслед за ними, что ответ на их просьбу от М. И. Калинина пришел менее чем через месяц)[42]. Кроме того, само упоминание имени Калинина в числе адресатов подтверждает, что он был человеком, к которому апеллировали в сложных ситуациях не только в довоенное время, что подчеркнуто авторами вышеуказанного сборника, но и оставался им и в дальнейшем[43].

39. Письмо А. Ф. Тимофеевой и М. П. Петровой Патриарху об открытии храма Воскресения Христова и часовни Ксении Блаженной. 1964 г.//Там же. Оп. 11. Д. 50. Л. 7.

40. Письма во власть. 1928–1939 гг. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002. С.9.

41. Заявление верующих М. И. Калинину об открытии храма на ст. Ефимовская. 1944 г.// ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л.36.

42. Там же. Л. 35.

43. Письмо верующих Красного Села М. И. Калинину о возвращении храмов. 1945 г.//Там же. Л. 41.

Часто адресатами прошений становились представители церковных структур, много прошений было адресовано лично архиереям. Здесь следует указать на важный факт: по нашим подсчетам за 1944–1945 гг. в церковные органы власти было отправлено 17 писем, а в государственные — 33, то есть в два раза больше. Такую разницу можно расценивать с нескольких позиций: как доверие к власти или как «петиционную традицию» русского народа. В свою очередь, эти данные могут подтверждать мысль историка В. Н. Якунина, автора статьи «Укрепление положения РПЦ и структура ее управления в 1941–1945 гг.»[44], что советские люди, в большинстве своем, считали «модернизацию» РПЦ — временным явлением, поблажкой властей, и в связи с этим структуру и положение церкви в советском государстве не считали долговечной.

Прошения представителям церковных структур имеют характерные особенности. Письма, направленные митрополиту и патриарху, отличаются от прошений, обращенных к властям, меньшей официальностью, большей эмоциональностью, искренностью, включением в текст послания повествований о своей жизни, имеют описательный характер. Примером может служить письмо супругов М. И. и П. Д. Бочковых, просивших в 1953 г. открыть Сампсониевский собор: «Я живу в Сталинском районе гор. Ленинграда где нет ни одного открытого храма Господня…Ваше Святейшество Христом Богом я 69 л. и моя жена 65 л. просим Вас ходатайствовать чтобы разрешили Вам передать это дело ремонта а то с каждым днем стены храма разрушаются, а Вы достигнув желаемого сделаете во первых насытите нас грешных духовной пищей и сохраните не только как храм Господень но и как памятник. Я вам всетаки напомяну что храм Сампсония основан Петром Первым в знак победы над шведами что свидетельствуют у храма совершенно валяются мемориальные доски с обращением Петра Первого обращение к солдатам не щадя жизни за родину, еще напоминаю что эти две доски проржавели, ждем от вас по этому поводу письма не знаю Вашего адреса пишу как наш адрес. Бочковы»[45].

В посланиях архиереям встречались такие фразы: «Просим Вас, Владыко, открыть нам наш родной храм Смоленской Бого-

44. *Якунин В. Н.* Укрепление положения Русской Православной Церкви и структура ее управления в 1941-1945 гг.//Отечественная история. 2003. № 4. С. 83-93.

45. Письмо Бочковых митрополиту об открытии Сампсониевского собора. 1953 г.// ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 11а. Д. 13. Л. 7.

матери… Просим Владыко Ваших хлопот и молитв»[46], «Помогите нам Владыко и Вашей помощью залечите нашу сердечную рану»[47], «В церкви молят за Власть и за всех во Власти пребывающих. Это вам, Владыко, точно известно»[48], «Обращаясь к Вам, Высокопреосвященный Владыко, глубоко надеемся, что Вы вникните в нашу искреннюю просьбу к Вам и поможете нам получить разрешение на открытие храма Св. Сампсония, чему будут бесконечно благодарны верующие…»[49]. Цитаты из разных прошений указывают на то, что митрополита верующие считали заступником, близким, «своим» человеком, при обращении к которому не всегда вспоминали, что он является официальным лицом.

Кроме того, часто в письмах митрополиту и патриарху верующие ссылались на Библию и на христианское вероучение, чего не наблюдается в посланиях в государственные органы власти. Иногда эти ссылки носят усилительно-эмоциональный характер: «Открыть храм…чтобы с Божьей помощью быстрей прогнать супостата, злодея, этого демона — немца, который не щадит даже малых детей, о которых Сам Спаситель сказал: пустите детей приходить ко мне, ибо таковых есть царство небесное»[50], иногда служат оправданием самим верующим: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божии — тем нас грешных. Владыко, простите и благословите нас грешных овец за наши грехи и за нашу отсталость от Св. Христовой церкви. Мы грешны: временно уснули крепким сном и пробудившись, слышим Ваши светлые слова о Св. Христовой церкви, которые нас ободряют от сна»[51]. Иногда они являлись подкреплением слов о необходимости открыть храм: «К сведению Вашего Высокопреосвященства в соборе включительно по 1938 г. беспрерывно совершались по уставу святые молитвенные бого-

46. Заявление прихожан Смоленской церкви митрополиту об открытии храма. 1944 г.// ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

47. Письмо прихожан об открытии Знаменской церкви в г. Пушкине. 1944 г.//Там же. Л. 8.

48. Письмо жителей Красного села митрополиту об открытии церкви. 1945 г.//Там же. Л. 38.

49. Письмо жителей Сталинского района митрополиту Елевферию об открытии Сампсониевского собора. 1959 г.// ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 11а. Д. 13. Л. 10.

50. Письмо прихожан об открытии Знаменской церкви в г. Пушкине. 1944 г.// ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

51. Письмо прихожан единоверческой Немятовской церкви митрополиту. 1944 г.//Там же. Л. 29.

служения»[52]. Самое большое количество ссылок на Евангелие находим в прошениях Л. Кругловой об открытии Казанского собора: «Призываю тех у кого в сердце любовь лучезарная к Богу Своему, у кого в сердце Вера хоть с зерно горчичное. Ибо Христос сказал имей веру с горчичное зерно и гору переставишь, и если веру нашу сложить вместе мы сможем достигнуть того о чем я хочу и к чему я хочу Вас призвать»[53].

Верующие, которые почти всегда знали, где расположена канцелярия митрополита Ленинградского, не знали, как отправить послание Патриарху или председателю Совета по делам РПЦ, и часто писали адрес получателя следующим образом: «Москва. Патриарху Алексию» или «Кремль. Тов. Карпову»[54], не зная, что кабинет последнего в Кремле никогда не находился. Так в одном из писем верующие написали следующее: «Тов. Карпов, просим Вас как великого и сильного и утвержденного в православных церквях, обратить внимание на нас грешных...», таким образом, возводя председателя Совета по делам РПЦ в ранг «помазанника Божия», просители в определенной мере производили трансляцию традиционных челобитных в середину 1940-х гг. В основном же, прошения в высшие органы власти ленинградцы передавали местным представителям — соответственно, митрополиту и уполномоченному, а иногда просто просили их передать просьбу об открытии храма «с оказией», в собственном официальном письме. Отметим также, что верующие иногда не знали не только точного адреса получателя, но и точного имени адресата, и в основном эта проблема коснулась митрополита Ленинградского Елевферия, имя которого часто писали неверно[55].

Сами же ходатайствующие почти всегда оставляли обратный адрес и делалось это не только в связи с тем, что «письмо во власть» являлось официальным документом и требовало соблюдения норм, но в основном — для извещения о решении, для «скорейшего ответа», причем почти всегда, даже если под письмом стоя-

52. Подчеркнуто мной. Письмо жителей Красного Села митрополиту об открытии церкви//Там же. Л. 38.

53. Письмо Л. Кругловой Патриарху об открытии Казанского собора. 1949 г. //ЕАСПб. Ф.1. Оп. 11а. Д. 18. Л. 3.

54. Письмо прихожан единоверческой Немятовской церкви митрополиту. 1944 г.// ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 28.

55. Письмо жителей Ленинграда митрополиту об открытии Храма Воскресения на крови//ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 11. Д. 49. Л. 6.; Письмо жителей Ленинграда митрополиту об открытии Сампсониевского собора//Там же. Оп. 11а. Д. 13. Л. 10.

ло множество подписей, адрес указывали только одного представителя группы, и лишь один раз выделили двух «полномочных»[56].

Анонимных писем в архивах почти не встречается, и, скорее всего, это связано с доброжелательным тоном прошений, с отсутствием выражения недовольства и угроз. Лишь одно письмо в канцелярию митрополита пришло с подписью «от верующих в Господа»[57], и действительно это «Заявление», написанное в требовательном тоне, содержало упреки митрополиту в том, что он не разбирает насущные проблемы верующих: «Известно ли Вам, что на Охтинском кладбище в зимнее время привозят покойников и все лица, сопровождающие их мерзнут по несколько часов на морозе? Известно ли Вам, что громадные массы народа, желающие причастия, причащаются на улице за неимением места в храме. Кладбищенские церкви одни из самых доходных, неужели нельзя расширить помещение. 20% находятся в храме, а 80% на улице, народ не жалеет средств и ему должна быть предоставлена возможность быть перед лицом Господа в храме. Вообще, Владыка, нужны какие-нибудь меры с Вашей стороны для устранения этих вопиющих недостатков». У этого документа, несмотря на требовательный и непочтительный тон, было «традиционное» окончание: «Просим Вашей помощи и Благословения». По этому прошению об открытии какой-либо церкви на Охте митрополитом Григорием было дано указание благочинному выяснить ситуацию. Письмо, наряду с другими, стало поводом для начала процесса открытия церкви Марии Магдалины на Малой Охте: был проведен специальный осмотр этого строения на предмет пригодности для богослужений[58], но из-за невозможности его использования благочинный предложил использовать один из кладбищенских склепов под покойницкую, чтобы церковь оставить только для богослужений[59]. Несмотря на то, что митрополит контролировал процесс и на отчете благочинного оставил резолюцию: «Всецело приветствую данное предположение. Сообщить уполномоченному с просьбой о содействии. Господь да благословит успехом начинания»[60], церковь

56. Там же. Л. 9.

57. Заявление жителей Ленинграда митрополиту об открытии храма на Охте//Там же. Д. 16. Л. 6.

58. Заявление жителей Ленинграда митрополиту об открытии храма на Охте//Там же. Д. 16. Л. 3.

59. Там же. Л. 5.

60. Там же. Л. 1.

так и не была возвращена епархии: вскоре в здании открыли кинотеатр, а в середине 1960-х снесли[61]. Случай с анонимным письмом, которое стало сигналом для «запуска» механизма принятия решения об открытии конкретного храма, показателен, так как подтверждает, что поскольку все остальные прошения были написаны в спокойном, нейтральном тоне, неординарное «заявление» призывало представителей церковного управления к решению вопроса, который требовал безотлагательных действий.

В целом, почти все письма в достаточной степени официальны и содержат типичные обращения (за исключением указанного выше случая, когда прошение об открытии Казанского собора было начато со слов молитвы). Связано это, вероятно, с тем, что прошения, написанные не по заданной форме, к рассмотрению уполномоченным и Советом по делам РПЦ не принимались (уполномоченные Совета должны были такие прошения отправлять обратно адресатам для внесения изменений), и, кроме того, верующие соблюдали правила указания адресатов и сведений о себе, беспокоясь о том, чтобы их прошение попало по назначению и не затерялось в «коридорах власти».

Второй, основной частью прошений было изложение просьбы об открытии храма. Часто именно от того, как была изложена просьба, письмо получало соответствующее название: прошение (ходатайство), заявление, докладная записка. Больше всего были распространены прошения и заявления, хотя, следует отметить, что если, по сути, письмо было именно прошением, ходатайствующие его никак не озаглавливали. Почти все письма, направленные в государственные органы власти имели заглавие и назывались «заявление». Сами верующие различия между прошением и заявлением видели не всегда и, не всегда понимая суть официального документа, в «Заявлении» на имя митрополита Алексия могли написать: «Позаботьтесь о нас скорбящих, смиренно просим и припадаем к Вашим стопам»[62]. Название «докладная записка» было зафиксировано только в одном случае, описанном выше, когда просительница фактически «представляла» проект возрождения Александро-Невской лавры своего соседа по дому. Таким образом, анализируя названия писем, можно сделать вывод о том, что верующие, возможно ранее не имевшие дело с канцелярскими до-

61. *Антонов В.В., Кобак А.В.* Святыни Петербурга. Т. 1. С. 191.

62. Письмо жителей г. Пушкина митрополиту об открытии Знаменской церкви // ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л.8.

кументами, не всегда могли точно охарактеризовать свое письмо и при его названии не задумывались о том, соответствует ли суть заглавию, а форма изложения — официальному документу.

Изложение просьбы об открытии храма часто сопровождалось в письмах эмоциональными повествованиями просителей о своей жизни, которые должны были играть роль, важную для достижения положительного результата при решении конкретного вопроса.

Основными повествовательными элементами, чередующимися в письмах с изложением сути проблемы, были следующие: указание почтенного возраста просителей («мы люди в летах и хотим умереть в христианской вере»[63]) и их трудового прошлого.

Основной поток прошений — это письма 1944–1946 гг., поэтому в них постоянно встречаются указания и на то, что прихожане закрытого храма перенесли много горя во время войны и оккупации. Часто ходатайствующие писали, что им нужен храм, чтобы молиться «за умерших деток, павших на войне за честь и свободу своей отчизны»[64]. Жители г. Пушкина, надеясь на открытие храма, в письме митрополиту писали о том, что они «пробыли у врага в плену три года, многие не говели и теперь дети умирают некрещеными, а взрослые — без напутствия и погребения»[65]. Верующие нередко вспоминали в письмах «во власть», что постоянно молились и «молитвы за всех нас были усердны о даровании скорой победы нашей Красной Армии и свободы от напавших на нас злодейски гитлеровцев»[66].

Почти повсеместно изложение просьбы об открытии церкви сопровождались изложением аргументов, которые должны были помочь привести решение вопроса к положительному завершению, и служили объяснением тому, почему органы власти должны согласиться на передачу храма верующим. Мотивы эти часто были связаны с происходящими событиями. Когда просили открыть храм в военное время, почти всегда указывали, что церковь необходимо открыть, чтобы молиться для достижения побе-

63. Письмо жителей села Сомино уполномоченному Совета по делам РПЦ об открытии церкви. 1946 г.//ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 34.

64. Письмо жителей Красного Села уполномоченному об открытии церкви//Там же. Л. 38.

65. Письмо жителей г. Пушкина митрополиту об открытии Знаменской церкви//Там же. Л. 7.

66. Письмо жителей Красного Села уполномоченному об открытии церкви//Там же. Л. 39.

ды или в благодарность за нее, «за страну родную, за наших бойцов в Красной армии и вполне понятно за свою Советскую власть трудящихся»[67]. В первые послевоенные годы просили вернуть храм, чтобы молиться за умерших: «Вечная память павшим героям. Дайте нам, живущим, обрести душевный покой и мир»[68].

Кроме возвращения храма для молитв «Всевышнему Богу, который сохранит наших дорогих бойцов на далеком военном фронте, добивающих хитрых, зверских немцев и дает нам победу и всему миру мир и свободу под своей законной Советской властью»[69], верующие указывали на то, что имеют маленьких детей, которых необходимо крестить[70], а поездки до церкви с ними «связаны с большими трудностями»[71].

Историческая ценность культовых зданий также была одним из аргументов в письмах верующих. Часто в письмах имелось указание на «старинность» храма, причем почти всегда без упоминания века постройки — храм в Красном Селе, Андреевский собор, Сампсониевский собор, а также Знаменская церковь в г. Пушкине, о которой верующие писали, что их церковь — «старинная, имеющая икону Знамения чуть ли не со времен Петра Великого»[72]. Последняя цитата — иллюстрация того, что ходатайствующие, судя по нечеткости данной характеристики, либо не знали историю просимой церкви и происхождение иконы, либо не сочли нужным более конкретно рассказать о ней, хотя на наш взгляд, точные сведения об этом памятнике архитектуры и иконе XVIII века (которая уже в то время отсутствовала), были бы в глазах представителей власти дополнительным поводом к возрождению этого храма.

Верующие нередко в прошениях приводили сведения о хорошей сохранности наружного убранства и интерьеров, понимая, что поскольку на реставрацию потребуются огромные средства, которых нет ни у епархии, ни у них, следует просить открыть только те храмы, вложения в ремонт (о реставрации нигде речь не шла) которых будут минимальны. Так в письме об упомяну-

67. Там же.

68. Письмо жителей г. Пушкина митрополиту об открытии Знаменской церкви//Там же. Л. 8.

69. Письмо жителей Красного Села уполномоченному об открытии церкви//ТАМ ЖЕ. Л. 38.

70. Заявление П. Цветкова в Совнарком СССР//Там же. Л. 33.

71. Заявление П. Цветкова во Всеволожский райисполком//Там же. Л. 31.

72. Письмо жителей г. Пушкина митрополиту об открытии Знаменской церкви//Там же. Л. 8.

той церкви в г. Пушкине, верующие указывали, что снаружи храм сохранился и внутри иконостас тоже цел, но «отсутствуют в нем чудные иконы, и эти места производят впечатление слепых глаз… грустно глядеть на все это…»[73].

В качестве условий для открытия церкви указывали на сохранившиеся предметы для богослужений (иконы, престол), а также на наличие в храме предметов искусства — лепнины, настенных росписей, плафонов, мозаики. Последнее, прежде всего, относится к попыткам возродить храм Воскресения Христова, который признавали «музеем» мозаичного и камнерезного искусства не только искусствоведы, составлявшие исторические справки по этому памятнику и указывавшие на то, что «высокая художественная ценность многих мозаик бесспорна, что не только оправдывает, но и делает необходимым принять здание бывшего храма под государственную охрану»[74], но и бывшие прихожане Спаса на крови.

Еще один аргумент, который часто приводили верующие, но не сразу после войны, а по мере ослабления международной напряженности — упоминание того, что иностранные гости, приезжающие в Ленинград, смогут по достоинству оценить то, что сделано для «советских верующих» и будут рассказывать о «славном Советском Правительстве» за рубежом. В случае предполагаемого отказа следовало сообщение о том, что не только самим верующим «на такой беспорядок смотреть больно, но и нашим гостям, которые приезжают из-за границы и посещают храмы Божии, что могут передать за границей о таком беспорядке, а тем более в Ленинграде»[75]. Так как подобные пассажи появляются только в прошениях 1950-х гг. можно говорить о том, что смена периодов «холодной войны» и «приподнимание железного занавеса», который привел к тому, что в Ленинград стали часто приезжать иностранные гости и делегации, в том числе религиозные, оказывали влияние на умонастроения верующих, что находило отражение в их письмах «во власть».

Еще одной характерной чертой прошений от верующих, живущих в Ленинграде, было упоминание имен известных людей, связанных с просимым храмом, в числе которых в основ-

73. Там же.

74. *Петров А. Н.* Храм Воскресения Христова. Историческая справка//Архив ГИОП. 457. 2/1-1. С. 17.

75. Письмо жителей Ленинграда митрополиту об открытии храма Воскресения Христова//ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 11. Д. 50. Л. 2.

ном вспоминали Петра Великого, заложившего Сампсониевский и Андреевский соборы, «архитектора Львова» — Н. А. Львова (1751-1803), создавшего проект Троицкой церкви («Кулич и Пасха»). В прошении об Александро-Невской лавре А. М. Фролова напоминала, что там имеются «могилы наших великих полководцев А. Суворова и Ал. Невского», несмотря на то, что мощи св. Александра Невского к этому времени давно находились в Музее атеизма в Казанском соборе.

Достаточно редко, но отмечалась необходимость скорейшего открытия просимого храма, ввиду того, что недавно открыли храм в этом же или в соседнем районе.

Важно упомянуть, что были случаи, когда письма верующих представителю власти не содержали просьб о помощи в открытии храма, а в них прихожане просили совет у ответственного лица: что они сами могут сделать для решения вопроса на местном уровне.

Частыми аргументами для открытия храма являлись «обещания» или конкретные предложения верующих, которые в текстах прошений либо выступали как отдельная часть, либо оказывались «вплетенными» в изложение просьбы. Почти всегда верующие первых послевоенных лет предлагали восстановить церковь своими силами, при этом, не всегда реально оценивая стоимость работ. Например, в 1946 г. жители Лиговки ходатайствовали об открытии Тихвинской церкви, обещая восстановить храм своими силами. Просьба их удовлетворена не была не только из-за того, что в части этого полуразрушенного здания были мастерские машиностроительного техникума, но главным образом по той причине, что на восстановление здания требовалась сумма в 3-4 миллиона рублей. Подсчетами занимался благочинный городского округа Ленинграда Н. Ломакин, который в своем рапорте митрополиту писал, что «на основании изложенного полагал бы считать просьбу не подлежащей удовлетворению; мне известны материальные возможности просителей — не мню, чтобы они были великими, — и что же касается помощи от Епархии, из средств Митрополии, то о всяких гранях и мерах здесь судить Вашему Высокопревосходительству»[76].

76. Рапорт благочинного митрополиту об открытии Тихвинской церкви на территории б. Иоанно-Предтеченской (Крестовоздвиженской) церкви// ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 11. Д. 46. Л. 5.

В последующие годы прихожане иногда предлагали компенсировать половину стоимости ремонта, или помочь «деньгами и силами». Минимальными материальными обязательствами, которые брали на себя ходатайствующие, были обещания поддерживать порядок в открытом храме. Однако, несмотря на то, что верующие проявляли активность и не только просили открыть храм, но также изъявляли желание помочь материально в его восстановлении, как нам известно, за исследуемый период в Ленинграде было открыто лишь три храма и часовня. Прошения верующих и резолюции не позволяют выяснить причины отказа открыть церковь. Сведения об этом можно получить из рапортов благочинных и отчетов уполномоченных на общем совещании в Ленинграде в 1946 г.

Основными причинами отказов верующим благочинные и сами уполномоченные называли следующие: ни у верующих, ни у епархии нет средств на восстановление здания; в нескольких километрах от местожительства просителей имеется действующая церковь (это было применимо почти ко всем прошениям о храмах Ленинграда). Третьим по частоте аргументом для отказа являлась невозможность освободить помещение церкви из-за его принадлежности учреждению культуры или военному ведомству, а также потому, что здание арендуется под склад или мастерские стабильно работающей организацией и переоборудовано ею на собственные средства (в качестве примера можно указать Сампсониевский и Андреевский соборы, Троицкую церковь на Лиговке и др.) Реже других упоминалось, что данный храм является центром, «точкой притяжения» враждебных советской власти сил, и как «образец» здесь следует указать, прежде всего, храм Воскресения Христова — Спас на крови и часовню Ксении Блаженной. Примечательно, что для верующих эти два памятника были наиболее дороги: и во время, и после войны к их закрытым дверям постоянно приходили верующие для молитвы, у распятия с западной стороны Спаса на крови ставили свечи, клали земные поклоны, а у часовни оставляли записки с просьбой небесного заступничества Ксении Петербуржской, что вызывало негативное отношение властей к «несоветскому поведению» советских граждан и «несанкционированным сборищам»[77]. Несмотря на характеристику этих «петербургских святынь», данную местными властями, верующие постоянно ходатайствовали об их открытии (в том числе именно об открытии этих сооруже-

77. *Юдин Н. И.* Правда о петербургских святынях. С. 52.

ний ходатайствовали в первом по хронологии письме — в 1943 г.), и в итоге в 1947 г. часовня Ксении Блаженной была передана верующим, но, правда, всего на 13 лет — в 1960 г. ее вновь закрыли в связи с передачей под скульптурную мастерскую.

Были также случаи, когда группам верующих отвечали, что их прошение не рассмотрено, «потому что ходатайство было написано не в соответствии с положением для уполномоченных совета и поэтому на основании п. 5. этой инструкции им было отказано»[78], но в этом случае уполномоченный часто объяснял, каким образом прошение должно быть переоформлено.

Несмотря на то, что эти и другие причины отказов верующим указывались в различных источниках, самый важный аргумент был приведен на общем совещании представителей Совета РПЦ уполномоченным Псковской области Игнатовым, который говорил, что «факт открытия той или иной церкви дает основание к возбуждению ходатайства к открытию новой церкви, и если мы возьмем по районам статистику, то увидим, что из тех районов, где нет церквей, и заявлений нет, а там, где мы открыли церкви, оттуда и заявления идут»[79]. С этим мнением согласились все уполномоченные, присутствовавшие на совещании, и потому можно сделать вывод, что главной причиной отказов властей открыть храм было то, что богослужения в каждой новой церкви вызывали приток большого количества верующих и рост их численности, а это было несовместимо с идеей атеистического государства. Возможно, все остальные аргументы были только поводами, маскирующими истинную цель.

В целом, в процессе исследования было установлено, что письма в государственные органы власти и структуры управления РПЦ относятся в основном к 1944–1945 гг. Эти ходатайства верующих оказались самыми информативными, убедительными, настойчивыми, и, как следствие — результативными: они послужили основой для процессов открытия трех храмов Ленинграда: часовни Ксении Блаженной на Смоленском кладбище, Троицкой церкви (Кулич и Пасха) и Троицкого собора Александро-Невской лавры.

Прошений об открытии храмов в этот период было больше, чем в остальные годы исследуемого периода: это было связано в 1940-х гг. с возрождением патриаршества и принятием Поло-

78. Стенограмма совещания уполномоченных Совета по делам РПЦ. 1946 г.// ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 1. Л. 75.

79. Там же. Л. 121.

жения об управлении РПЦ, ввиду чего верующие больше, чем когда-либо, надеялись на положительный ответ властей на свою просьбу, а в середине 1950-х гг. толчком к ходатайствованию стало начало «оттепели». Со временем, когда наступало прозрение и понимание того, что просимый храм открыт не будет, поток писем верующих «во власть» начинал ослабевать. После изменения официального курса по отношению к религии в 1961 г. прошений почти не поступало, и лишь с 1966 г. верующие вновь начинают робко просить разрешения властей открыть хотя бы наиболее почитаемую ими церковь.

В первое послевоенное десятилетие сами ходатайства были очень разными, индивидуальными по структуре, стилю изложения, так как верующие не всегда знали, как составлять официальное прошение подобного рода и, в связи с этим, письма получались очень «личностными». Со временем их письма стали более унифицированными: прошения были облечены в определенную строгую форму, вне которой они, согласно инструкции уполномоченным Совета по делам РПЦ, не подлежали рассмотрению.

Еще одной причиной, по которой «письма во власть» о возвращении храмов в ведение РПЦ, имели результат, была особая политическая обстановка в стране — эйфория от победы и «оттепель», и как следствие — желание представителей власти «слушать и слышать» просьбы народа, и возможность верующих высказывать свои пожелания.

Важно, что за 1944–1945 гг. в ЦГА СПб и ЕАСПб сохранились все поданные прошения об открытии храмов Ленинграда, и это позволило произвести достаточно объективный анализ ситуации. Кроме того, за указанный период в архиве сохранились не только документы уполномоченного Совета по делам РПЦ по Ленинграду и области, но также имеется стенограммы отчетов уполномоченных[80]. Благодаря этим документам появилась возможность оценить ситуацию, сложившуюся в Ленинградской епархии, и с помощью отчетных докладов уполномоченных выяснить причины того, почему при такой социальной активности верующих, направленной на возрождение храмов, результаты оказались минимальными. Несмотря на то, что многие письма не были результативными, и часто храмы, о которых просили верующие, не были открыты, эти ходатайства очень важны для изучения эпохи: они

80. Стенограмма совещания уполномоченных Совета по делам РПЦ 20-22 июля 1946 г.// ЦГА СПб. Ф.9324. Оп. 2. Д. 1. Л. 75-124.

— документальные свидетельства, которые показывают активную деятельность верующих, разными способами пытавшихся заставить представителей власти услышать их просьбы.

Библиография

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. Р-6991 (Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР).

Ф. А-259 (Совет Министров РСФСР).

Ф. Р-5446 (Оригиналы постановлений Совета Народных Комиссаров и Совета Министров СССР).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 17 (ЦК КПСС).

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

Ф. 9324 (Канцелярия уполномоченного Совета по делам РПЦ по Ленинграду и области).

Ф. 9620 (Канцелярия уполномоченного Совета по делам религиозных культов).

Ф. 7384 (Исполнительный комитет Ленинградского городского совета депутатов трудящихся (Ленгорисполком)).

Ф. 7179 (Исполнительный комитет Ленинградского областного комитета депутатов трудящихся (Леноблисполкома)).

Епархиальный архив Санкт-Петербурга (ЕАСПб).

Ф. 1 (История храмов Ленинграда).

Ф. 2 (Изобразительные материалы).

Ф. 3 (Канцелярия митрополита Ленинградского и Новгородского).

Ф. 105 (Распоряжения митрополита Ленинградского и Новгородского).

Архив Государственной инспекции по охране памятников Санкт-Петербурга.

Петров А. Н. Храм Воскресения Христова. Историческая справка. 457. 2/1-1.

Сампсониевский собор. 28/Пр-4. 1958 г.

Литература

Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Петербурга. Т.3. СПб., 1996.

Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002.

Скобелева Е. А. Родина моего детства. 1940–1945. СПб., 2004.

Шкаровский М. В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.

Юдин Н. И. Правда о петербургских святынях. Л., 1966.

Якунин В. Н. Укрепление положения Русской Православной Церкви и структура ее управления в 1941–1945 гг.//Отечественная история. 2003. № 4. С. 83-93.